

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЕРТИ В НАРОДНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Явление смерти – неизменно интересующий человека факт, который привлекал и привлекает внимание многих исследователей из разных сфер науки. В данном докладе освящаются представления о смерти на базе фразеологического материала русских народных говоров и сформулирован подробный портрет не персонифицированной смерти, но смерти как идеи.

Идея смерти включает несколько семантических полей, такие как «смерть», «убийство» «самоубийство» и др. Выстраивание материала проводилось по принципу субъектно-объектной организации на основе анализа семантического и мотивационного уровней, что позволило выделить следующие элементы: субъект, действия субъекта, его характеристики, локус и объект.

Субъекты

Необходимо отметить, что не все фразеологические единицы позволяют чётко определить тип субъекта. Статус субъекта во фразеологии – богатой почве для образных номинаций – может приобрести как одушевлённый, так и неодушевлённый, как конкретный, так и абстрактный предмет.

Поле «смерть» как такового субъекта не имеет, поскольку умерший человек скорее ближе к объекту. Однако, дабы не нарушить чёткую систему, мы сочли возможным считать его субъектом, пусть и с определенной долей условности.

Итак, на основе фразеологического материала были выделены такие субъекты, как умерший человек (*покойна (голова) головоушка* ‘уважительно об умершем человеке’), а также его душа (*душа вон* ‘кто-л. умер’), которая в качестве одной из составляющих человека, как единого целого, становится самостоятельной фигурой.

Роль субъекта играют и мифологизированные персонажи: сама Смерть (*смерть подобрала* ‘кто-л. умер’, *карачун хватил* ‘умер от удара’ (ср. русс. диал. *карачун* ‘внезапная, неожиданная смерть’ [СРНГ, 13, 79])), а также нечистая сила (в частности, леший) (*леший забрал его* ‘об умершем’) и, как противопоставление, божественная сила (*господь взял* ‘кто-л. умер’).

Наконец, одушевляется, становясь субъектом, болезнь (*кондрашка хватил* ‘кто-л. умер (от кровоизлияния в мозг)’ (ср. русс. диал. *кондрашка* ‘обморок; лихорадка’ [СРНГ, 14, 248])), агония (*колоколец пришёл* ‘пришел конец, наступил смертный час’ (ср. русс. диал. *колоколец, колоколец* ‘предсмертный хрип, вырывающийся из горла умирающего человека’ [СРНГ, 14, 164])). Плюс ко всему уподобляется одушевлённому лицу и такой объект, как могила (*могила забрала* ‘умереть’).

Самоубийца как субъект номинации не отражён во фразеологическом материале, но он легко реконструируется на основе формулировок его действий. Показателем

служит возвратное местоимение *себя*: *конец дать себе* 'покончить жизнь самоубийством', *решить само себя* 'покончить жизнь самоубийством' и т. п.

Субъект «убийца» как таковой не был нами выделен, т. к. нет ни его прямого наименования, ни характеристик, на основе которых мы могли бы его реконструировать. Несмотря на то, что по номинации действий, совершаемых над умершим человеком, этот субъект можно было бы восстановить, всё же, указывая на постороннее влияние на человека, данные действия акцентируют внимание на самом «пострадавшем».

В целом, наличие большого числа «посторонних» субъектов объясняется тем, что для человека смерть – явление, которому он пытается найти объяснение, найти «ответственных» или причастных, будь то Бог, нечистая сила или сама Смерть, которая воспринимается актом вмешательства извне, без учета желания человека (за редким исключением, когда, в основном, речь идет о самоубийстве).

Характеристики субъектов

Характеристики имеют только три субъекта: умерший человек, самоубийца (ср. *невинная смерть* 'самоубийство или смерть от несчастного случая') и смерть (ср. *лопатинов жених* 'смерть, смертный час'). Больше количество характеристик имеет первый субъект, что неудивительно, т. к. описание умершего человека – процесс достаточно понятный, в отличие от описания образа смерти. Тема самоубийства и вовсе является табуированной для религиозных верований многих диалектоносителей. Поэтому номинация действий субъектов самоубийца и смерть представлена, а вот описывать эти субъекты диалектоноситель избегает.

Характеристики субъекта «умерший человек» используются образные и прямые (*свежие родители* 'недавно умершие родственники', *покойна (голова) головушка* 'уважительно об умершем человеке'). В образных «покойный» сравнивается с животным (*гибнуть как мухи* 'о массовой гибели людей', *поволочь как таракана купать* 'вести на расправу, верную гибель кого-л. куда-л.', *лежать как скотина* 'о лежащем покойнике, которому не возлагают никаких подобающих почестей') или предметом (*исчезнуть, как свечка* 'умереть').

Действия субъектов

Семантика действия проработана достаточно подробно. Во фразеологии преобладают единицы со значением «умереть» (*сандалии протянуть* 'умереть', *с души спуститься* 'испустить дух, умереть', *откатилось яблочко* 'кто-то умер'). Раздел «действия субъекта (умерший человек)» составляет большую часть фразеологического материала. В отличие от действий других типов «персон» наименование действия умершего человека отличается продуктивностью используемых образов. Такое соотношение указывает на важность именно факта смерти, а не на актуализацию её причин.

Действия же, совершаемые над «умершим человеком», можно обозначить как дарование смерти (*канут задать* 'убить') либо отнимание жизни с помощью её «съедания» и «перекручивания» или «прерывания» (*завязать (заесть) век* 'измучить, погубить, сжить со света кого-л.', *прекратить жизнь* 'убить кого-л. '), насильное отправление куда-л. (*в земельный отдел отправить* 'убить кого-л. '), причинение вреда здоровью (*сломать горло* 'убить, победить кого-л. ').

Для называния действий субъекта «самоубийца» активно используются конструкции, преподносящие соответствующее событие как нарушение продолжительности собственной жизни (*прикоротать жизнь свою* 'покончить с собой'), принятие решения

об её окончании (*реши́ть житье* ‘покончить жизнь самоубийством’) или же добровольное повешение (вероятно, фиксация наиболее частого способа) (*вско́чить в петёлку* ‘повеситься’). Это говорит о том, что смерть самоубийцы воспринимается как «саморазрушение», т. е. «желание себе зла», т.к. разрушение всегда отмечается негативной семой.

Действия остальных субъектов – Бога, Смерти, Болезни, нечистой силы – можно называть «забиранием» души/полностью всего человека или жизни (*госпо́дь прибра́л в свои руки* ‘о чьей-л. смерти’, *смерть подобра́ла* ‘кто-л. умер’, *унёс бы боле́з мою жизнь* ‘умирать пора’, *ле́ший забрал его (их и т. п.)* ‘об умершем’). Таким образом, эти явления-деятели персонифицируются, позволяя говорить о стремлении обозначить смерть как «ненормальный», необъяснимый исход жизни. Получается, что смерть становится следствием решения или желания кого-л., а не зависит, в основном, от воли человека.

Душа в представлении диалектоносителя – одно из составляющих человека (тело и душа) – также имеет в народном сознании самостоятельный статус. Смерть наступает именно тогда, когда душа покидает тело. Поэтому действие этого субъекта обозначено как «движение наружу» (*Пар долой! Пар вон! дух вон, умер*’).

Объекты

Объектная организация имеет следующие разделы:

– «предметы/явления, с помощью которых достигается смерть» (петля, сабля, рука, молния и т. д.: *на петлю сесть* ‘повеситься’, *обжéгчи молоньей* ‘убить ударом молнии’, *взять на перече́т, на палку-сабельку* ‘перебить, уничтожить (всех, многих)’),

– «объекты, изъятие/потеря которых является причиной/показателем смерти» (обувь, век, жизнь, горло и т. п.: *обрить го́лову по плéчи* ‘обезглавить кого-л.’, *ла́пти повéсить* ‘умереть’, *оста́тки души́ потеря́ть* ‘умереть’, *ко́жсей подарить* ‘умереть’),

– «объекты, дарование/получение которых приводит к смерти» (смерть, конец, земля: *принять смерть пото́пную* ‘утонуть’, *дать землю* ‘дать возможность умереть’),

– «части тела, трансформация которых является показателем смерти» (ноги, руки, зубы, глаза, кровь: *заперéть глаза* ‘умереть’, *ручо́нки к сердцу сло́жить* ‘умереть’, *камысы протяну́ть* ‘ноги протянуть, умереть’ (ср. русс. диал. *камыс* «нога» [СРНГ, 13, 32])),

– «объекты, превращение в которые является причиной смерти» (пыль, прах, черви: *пра́хом унести* ‘умереть, исчезнуть’, *разбить в ме́тлухи* ‘разбить на части, убить’ (ср. русс. диал. *ме́тлухи* ‘червяки, якобы заводящиеся в мозгу овец’ [СРНГ, 18, 140])).

Классификация объектов обнаруживает их разнообразие: части тела, абстрактные предметы (душа, смерть и др.), оружие/орудие как средство достижения смерти, а также земля, которая засыпает всего человека либо лишь его глаза, как одну из важнейших составляющих, поскольку при их помощи он видит этот мир (*глаза́ песко́м засы́плются* ‘кто-л. умрёт’). Таким образом, можно сказать, что для диалектоносителя важна «атрибутика» смерти – то, с чем она связана, её внешнее окружение.

Локус

Определение локуса указывает на четкую экзистенциальную структуру в сознании диалектоносителя. Поэтапно выделяются те границы, через которые проходит человек: жизнь, агония, момент смерти и запредельный для понимания, условно названный «тот свет». Такая чёткая хронологическая линия объясняется верой людей в загробную жизнь, надеждой на то, что смерть – это не необратимое событие, конец существования вообще, а лишь переход в другое состояние.

Локус выделяется только во фразеологизмах, относящихся к субъекту «умерший человек», и подразделяется на «место положения жившего человека» (в том числе и тело как место для души) (*сбавить кого-л. со света* ‘погубить, довести до смерти кого-л.’, *выйти/выходить из духа вон* ‘умереть’), «место положения умирающего человека» (*лежать под святыми* умереть, скончаться; быть при смерти, лежать на смертном одре), «место положения мёртвого тела» (угол, земля, кладбище и др.) (*[перейти] в Могилёвскую губернию* ‘умереть’, *под берёзки (под сосёнки) лечь* ‘умереть’, *пойти в ершовый монастырь* ‘утонуть’), «место нахождения души человека после его смерти» (сторона, тот свет, та половина, воздух и т.п.) (*на воздух подняться* ‘умереть’, *войти в ту половину* ‘умереть’, *на тот свет обернуться* ‘умереть’). Причем фразеологизмы типа *пойти (уйти) в земельный отдел [в белых тапках]* ‘умереть’, *[перейти] в Могилёвскую губернию* ‘умереть’, *пойти в ершовый монастырь*, *уйти в ершовую слободу* ‘утонуть’ могут обозначать два последних локуса одновременно, т.к. в них не только могут образно фиксироваться места упокоения тела (земля, могила, дно водоема/реки), но и отражаться представления о «том свете», в котором душа пребывает после смерти (отдел, губерния, монастырь, слобода).